

Анна Шилд
Ада Огнева

ДВОЙНАЯ
СТАВКА
БОССА

18+

Ада Огнева
Анна Шилд
Двойная ставка босса

<https://litres.ru/74515464>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна Левина два года была безупречной помощницей Богдана Смолина. Теперь с её цифровой подписи ушли миллионы, и ей грозит тюрьма. В ту же ночь сестра Анны оказывается в реанимации: на спасение срочно нужны деньги. Богдан способен оплатить лечение и разобраться с обвинениями. Но помощь босса имеет цену, которую невозможно вписать в платёжное поручение: Анна должна принадлежать ему целиком. Чтобы спасти сестру, она принимает условия. Чтобы спасти себя, ей придётся узнать, кто подставил её — и почему Богдан так легко согласился на эту сделку.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Анна Шилд

Двойная ставка босса

Двойная ставка босса

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Осенний туман за панорамным остеклением пятьдесят восьмого этажа был похож на застывший серый свинец. На высоте двухсот сорока метров огни ночной Москвы казались размытыми, утонувшими в ледяной мороси, а внутри пустой приемной холдинга «Смолин Сити» стояла такая тишина, что Анна слышала собственное дыхание — сухое, прерывистое, застревающее в пересохшем горле.

На часах в правом нижнем углу широкого изогнутого монитора светилось: 23:46.

До закрытия европейского шлюза во Франкфурте оставалось четырнадцать минут.

Пальцы Анны, холодные до онемения в подушечках, снова взлетели над клавиатурой. Короткий щелчок клавиши ввода — и по матовому экрану пробежала очередная полоса загрузки. Серая полоска дошла до тридцати процентов, дернулась и сменилась режущим глаза багровым окном фатального сбоя:

ОШИБКА CRC32: Контейнер поврежден. Цифровой сертификат референта Анны Левиной отозван шлюзом безопасности в 23:22:14 по причине несанкционированной модификации контрольной суммы финансового обеспечения.

Анна зажмурилась на секунду, до боли сжимая веки. Под закрытыми глазами вспыхнули алые круги.

— Нет... Нет, пожалуйста, только не это... — прошептала она в пустоту темного холла.

Она открыла глаза и снова посмотрела на стол. Физический криптографический токен — матовый металлический брелок с лазерной гравировкой холдинга — лежал ровно там, где она его оставила: рядом с ежедневником в кожаном переплете. Доступ к нему имел только ее собственный палец. Биометрический сканер на корпусе требовал отпечатка.

Но двадцать четыре минуты назад кто-то запустил процедуру авторизации с ее профиля. Кто-то перехватил сессию,

изменил банковские реквизиты безотзывной гарантии на восемьдесят миллионов евро, перенаправив транш обеспечения в офшорный кипрский траст, и стер контрольный архив. Автоматическая защита Франкфуртского консорциума мгновенно заблокировала сделку, признав заявку мошеннической.

Восемьдесят миллионов евро.

Ключевой девелоперский проект года — возведение кластера в Мневниковской пойме. Смолин шел к этому контракту полтора года, выбивая преференции и сокрушая конкурентов с неумолимой тяжестью бронепоезда.

И теперь всё рухнуло. Из-за ее ключа.

Анна схватила трубку внутренней связи, набрала номер дежурной службы безопасности. Три длинных, пустых гудка — и в трубке раздался механический зуммер отбоя. Линию центрального пульта перекрыли на корневом уровне.

В висках стучала тяжелая, горячая кровь. Анна потянулась к сумочке за личным мобильным, но пальцы соскользнули с замка.

В глубине лифтового холла раздался глухой, низкий гул скоростной шахты.

Этот звук Анна знала наизусть. Приватный лифт генерального директора, поднимающийся с подземного паркинга минус второго уровня без единой остановки. Десять метров в секунду. Лифт поднимался прямо сейчас.

Он уже знал.

Тяжелые бронзовые створки лифта разошлись в стороны с тихим, влажным шипением пневматики.

Шаги зазвучали мгновенно: тяжелая, быстрая поступь хищника по полированному антрацитовому керамограниту. Никакой суеты — сокрушительная масса движущегося вперед мужчины, перед которым расступались министры и банкиры.

В приемную вошел Богдан Смолин.

Анна вжалась в спинку кресла, хотя спина осталась безупречно прямой — привычка двух лет выучки рядом с ним не исчезала даже перед лицом расстрела.

Смолин был без пиджака. Плотное черное шерстяное пальто ручной работы распахнуто, плечи в полумраке казались бесконечно широкими. Черная сорочка из тонкого итальянского хлопка расстегнута на две верхние пуговицы, открывая мощную смуглую шею и глубокую впадину яремной ямки. Галстук был сдернут в карман пальто, на темных волосах блестели капли ледяного дождя.

Но страшнее всего было его лицо.

Квадратная челюсть с трехдневной щетиной казалась высеченной из гранита, желваки туго перекатывались под кожей, а в серых штормовых глазах полыхала первобытная тьма.

Вместе с ним в стерильный воздух приемной ворвался чужой, уличный мир: запах морозной влаги, терпкого дорогого табака, горького черного перца и кожи. Этот аромат мгно-

венно вытеснил тонкий запах фрезий от запястий Анны, заполнив всю приемную.

Смолин не стал обходить широкий полукруглый стол из белого матового акрила. Он подошел вплотную, заставляя Анну запрокинуть голову, чтобы не потерять его из виду.

— Где пакет, Левина? — голос прозвучал тихо.

Эта тишина была во сто крат страшнее любого крика. Низкий, рокочущий бас вибрировал на такой частоте, что Анна вцепилась в край сиденья.

— Богдан Сергеевич... — ее собственный голос предательски дрогнул на первом слоге, но она сжала зубы и заставила связки подчиниться: — В двадцать три двадцать две система зафиксировала критический сбой. Мой криптографический сертификат аннулирован немецким шлюзом. Произошла подмена контрольной суммы гарантийного залога...

Смолин сделал еще один шаг. Медленный. Неотвратимый.

Он обогнул акриловое крыло стола и навис прямо над ней. Огромные горячие ладони мужчины с глухим стуком опустились на кожаные подлокотники ее кресла, запирая Анну в узком пространстве между своей широкой грудью и высокой спинкой.

Она оказалась в капкане.

Анна чувствовала жар, исходивший от его тела сквозь тонкую ткань сорочки. Его лицо находилось в двадцати сантиметрах от ее лица. Она видела каждую темную ресницу,

тонкий белесый шрам у левой брови и то, как расширились его темные зрачки, почти полностью вытеснив серую радужку.

— Подмена? — повторил он, и его горячее дыхание, пахнущее крепким эспрессо и горьким табаком, обожгло ее губы. — Ты хочешь сказать, что некая посторонняя сила проникла в твой терминал? В защищенный контур высшего уровня допуска?

— Кто-то скопировал ключ! — Анна не отвела глаз. Ее темно-синие глаза встретили его штормовой взгляд с отчаянной, звенящей твердостью. — Проверьте логи! В двадцать два тридцать отчеты забирал Коршунов. Он требовал перепроверки сметы перед отправкой во Франкфурт! Я передала ему сводные таблицы, но токен оставался на столе...

Смолин усмехнулся. Это была страшная, кривая усмешка, от которой по позвоночнику Анны пробежал ледяной разряд.

— Коршунов? — он наклонился еще на пару сантиметров ниже, так что кончики его влажных волос почти коснулись ее лба. — Вадим уехал из башни в двадцать три ноль пять. Его машина отметилась на выезде с подземного паркинга сорок минут назад. А транзакция на Кипр ушла в двадцать три двадцать две. Под твоим отпечатком пальца, Левина. Под твоей личной цифровой подписью.

— Это ложь! — выдохнула она, чувствуя, как нехватка кислорода сдавливает горло. — Я не подписывала транзит!

Мне незачем красть ваши деньги!

— Восемьдесят миллионов евро, Анна, — проговорил он с леденящей отчетливостью, впечатывая каждое слово прямо ей в сознание. — Ровно столько весил гарантийный взнос. Немцы вышли из переговорного пула три минуты назад. Шлюз закрыт. Наш холдинг дисквалифицирован из международного тендера с волчьим билетом за попытку отмывания средств через офшорную прокладку.

Он замолчал, продолжая буравить ее взглядом. В этой паузе Анна слышала лишь бешеный стук собственного сердца, отдающийся в висках набатом.

— Вы... вы думаете, это сделала я? — прошептала она, и в ее голосе сквозь страх прорезалась острая, колющая обида. Два года она жила на этой работе. Отказывалась от личной жизни, от выходных, от отпусков, вытаскивала его графики, помнила имена сотен подрядчиков, знала до секунды, когда ему нужен черный кофе без сахара, а когда — тишина. И сейчас он смотрел на нее так, словно она была уличной воровкой.

Смолин медленно оторвал правую руку от подлокотника.

Анна замерла, но его тяжелая ладонь лишь скользнула по плечу к воротнику, и подушечка большого пальца легла на сонную артерию под челюстью.

Кожа вспыхнула под прикосновением. Артерия билась с сумасшедшей частотой, выдавая ужас и ту постыдную дрожь, которая всегда прошивала ее тело рядом с ним.

— Мне плевать, о чем я думаю, Левина, — тихо сказал Смолин. Его пальцы слегка сжались, удерживая ее за подбородок. — Имеют значение только факты. А факт таков: твоя подпись стоит под финансовой диверсией, которая поставила под угрозу существование моей корпорации.

Он выпрямился во весь свой огромный рост, отпуская ее лицо.

Холодный воздух приемной тут же хлестнул по пылающей коже Анны, заставляя ее судорожно вздохнуть.

Смолин сунул руку в карман брюк, извлек плоский матовый брелок центральной системы безопасности здания и нажал крупную черную кнопку.

По всей приемной прокатился тяжелый, лязгающий металлический звук.

Электромагнитные ригели замков лифтового холла выстрелили в пазы, огоньки сменились алым свечением. Пятьдесят восьмой этаж превратился в герметичный бункер на высоте небес.

Анна вскочила на ноги. Юбка-карандаш натянулась на бедрах, туфли глухо стукнули по керамограниту.

— Что вы делаете?! Откройте двери!

Смолин развернулся к дверям своего личного кабинета, даже не оглянувшись на нее:

— Рабочий день окончен, Анна. В кабинет. Шагом марш.

Глава 2

Дверь личного кабинета Смолина закрылась с тяжелым хлопком. Щелкнул магнитный фиксатор, и внешний мир с его стеклянным небоскребом и мерцающими экранами приемной исчез, оставив Анну один на один с хозяином корпорации.

Пространство кабинета поражало своим подавляющим, тяжелым размахом. Сто шестьдесят квадратных метров по-

ла были выложены темным паркетом из мореного дуба, стены защиты панелями ореха, а в центре возвышался гигантский письменный стол — пятиметровый сляб окаменевшего дерева на черненых стальных опорах. За окном на высоте двухсот сорока метров хлестал осенний дождь, а внизу изгибалась темная змея Москвы-реки в золотых огнях Кутузовского проспекта.

Смолин прошел к центру комнаты. Одним резким движением он сбросил тяжелое кашемировое пальто прямо на низкий диван из матовой черной кожи.

Оставшись в одной сорочке, он казался еще крупнее, еще опаснее. Тонкая ткань натянулась на широких лопатках и рельефных грудных мышцах. Богдан неторопливо расстегнул перламутровые запонки на манжетах, закатал рукава до самых локтей, обнажая мощные жилистые предплечья.

Анна невольно зацепилась взглядом за его левую руку.

От запястья и выше по смуглой коже тянулись бугристые ожоговые шрамы — следы пожара пятилетней давности, когда партнеры пытались сжечь его заживо в подмосковном ангаре. Смолин выбил стальную дверь плечом, выжил и растоптал предателей, но отметины огня остались навсегда, превратив его в еще более свирепого и неумолимого хищника.

Богдан подошел к барной консоли из черного сланца, взял тяжелый хрустальный рокс с граненым дном и плеснул в него на два пальца шотландского торфяного виски. Запах дыма, дубовой бочки и крепкого алкоголя мгновенно напол-

нил теплый воздух кабинета.

Он сделал медленный глоток, не отрывая взгляда от Анны, затем повернулся и оперся бедрами о край своего монументального стола.

Анна осталась стоять в трех метрах от него. Ее колени мелко подрагивали внутри узкой юбки, но спину она держала безупречно ровной, вздернув подбородок. Она знала это правило: покажешь слабость перед Смолиным — он перешагнет через тебя, даже не заметив.

— Через тридцать пять минут сюда войдет оперативно-следственная группа ГУЭБиПК, — произнес Богдан. Голос его был сухим, деловым, лишенным малейших эмоций, словно он зачитывал рядовую сводку котировок на бирже. — Ордер на выемку серверов и персональных носителей уже подписан дежурным судьей Тверского суда. Статья сто пятьдесят девятая, часть четвертая. Мошенничество в особо крупном размере в составе организованной группы.

Анна сжала кулаки так, что короткие ногти до боли впились в ладони.

— От семи до десяти лет общего режима, — продолжал Смолин, глядя на нее сквозь янтарную толщу виски в стакане. — Учитывая сумму ущерба — восемьдесят миллионов европейской валюты, — ни один суд не оставит тебя под подпиской. К утру ты будешь сидеть в изоляторе в Печатниках. Пять лет без права на условно-досрочное. Ты представляешь себе женский спецблок, Левина?

— Зачем вы мне это рассказываете? — ее голос прозвучал резко, со звоном натянутой струны. — Пугаете? Думаете, я упаду на колени и начну вымаливать прощение за то, чего не совершала?! Вызывайте следователей! Пусть опечатывают кабинет, пусть изымают мой рабочий ноутбук, снимают отпечатки, делают трассировку сетевых пакетов! Я два года работала на вас круглыми сутками! Я помню каждый контракт, каждую подпись! Зачем мне воровать деньги холдинга, если я даже кредит за лечение Полины до конца не выплатила?!

Она сделала решительный шаг вперед, сокращая дистанцию. В ее темно-синих глазах полыхал чистый, незамутненный гнев:

— Почему вы не допрашиваете Коршунова?! Он был в приемной в двадцать два тридцать! Он лично крутился вокруг моего терминала, настаивал, чтобы я показала ему расчетные таблицы! Он месяц назад пытался затащить меня в номер после банкета на набережной, а когда я разбила о его лоб бокал с минералкой — пообещал, что сотрет меня в порошок! Вы же не слепой, Богдан Сергеевич! Вы прекрасно знаете, какая он гнида!

Смолин медленно поставил стакан на окаменевшее дерево стола. Раздался глухой, зловеющий стук стекла о камень.

Кривая, темная усмешка тронула его губы.

— Вадим Коршунов — сын первого замминистра строительства региона, Анна. Его отец подписывает градострои-

тельные планы для трех наших жилых комплексов на сотни миллиардов рублей. Даже если бы Вадим лично при мне скачал эти файлы на флешку и станцевал на столе, завтра утром министр лично привез бы мне компенсацию, а скандал замяли бы за полчаса.

Он оттолкнулся от стола и медленно пошел на нее.

Каждый его шаг был тяжелым, бесшумным, словно поступь крупного леопарда в темноте. Пространство кабинета мгновенно сжалось вокруг Анны.

— А кто ты, Левина? — Смолин остановился в полушаге от нее. Его рост и чудовищный размах плеч накрыли ее тенью, вытесняя свет потолочных спотов. — Сирота из Твери. Девочка без связей, без покровителей, со съемной однушкой на окраине и больной сестрой-инвалидом на иждивении. У тебя нет денег даже на частного адвоката. Дежурный защитник заглянет в дело за пять минут до заседания и посоветует признать вину, чтобы скостить год.

Анна задохнулась от возмущения:

— Вы чудовище...

— Я реалист, — отрезал он.

Его рука метнулась вперед так быстро, что Анна не успела отшатнуться.

Широкая, обжигающе горячая ладонь легла ей на горло, не пережимая дыхания, но прижимая тяжелыми пальцами сонную артерию, а большой и указательный пальцы железными тисками зафиксировали ее острый подбородок, вздер-

гивая лицо вверх.

Анна вскрикнула, вцепилась обеими руками в его стальное предплечье со шрамами, но не смогла сдвинуть его руку ни на миллиметр.

Смолин наклонился к ней так близко, что его темные штормовые глаза заполнили весь ее кругозор. В них не было жалости. Там горела тяжелая, собственническая тьма мужчины, который слишком долго ждал момента, чтобы забрать то, что считал своим.

— Ты слишком гордая, Левина, — прошептал он, и его голос опалил ее губы. — Два года ты ходишь передо мной в этих своих застегнутых на все пуговицы блузках. Смотришь ледяным взглядом. Держишь дистанцию. Не берешь премий, не принимаешь подарков, не отвечаешь на намеки. Думаешь, я не видел, как ты шарахаешься от моих прикосновений, когда передаешь папки?

Его большой палец медленно, с тягучим нажимом провел по ее нижней губе, вдавливая ее в рот, заставляя Анну прерывисто вдохнуть ртом.

— Гордость — дорогая игрушка, девочка. В камере с тебя собыют спесь в первые сутки. Через месяц от твоей красоты останется бледная тень. А через неделю... твоя сестра сгниет в муниципальной больнице.

— Не смей... — слезы ярости обожгли щеки Анны. — Не смей трогать Полину, зверь!

В этот момент тишину кабинета разрезал резкий, надрыв-

ный звонок.

На приставной консоли у входа забился, завибрировал ее телефон, оставленный рядом с сумкой. Это был не обычный вызов — это был тревожный звуковой сигнал приложения экстренных оповещений городской больницы, который Анна установила три месяца назад.

Смолин не отпустил ее сразу. Он медленно провел подушечкой пальца по ее мокрой от слезы щеке, стирая каплю, и лишь затем разжал хватку.

Анна покачнулась, судорожно хватая ртом воздух. Кожа на шее и подбородке горела огнем.

Богдан подошел к консоли, взял ее смартфон, взглянул на экран. Его брови сдвинулись к переносице. Он развернул дисплей к Анне.

На светящемся стекле висело сообщение от доктора Воронова, заведующего отделением кардиореанимации Пятнадцатой городской больницы:

«Анна Дмитриевна! Срочно! У Полины внезапный приступ левожелудочковой недостаточности, тяжелый отек легких на фоне декомпенсации митрального клапана! Перевели на интубацию трахеи, подключили к аппарату ИВЛ. Гемодинамика нестабильна, падает давление. Срочно требуется введение зарубежного препарата «Левосимендан» и подготовка к экстренной операции. Депозит отделения исчерпан полностью. Если до 02:00 на спецсчет клиники не поступит 850 000 рублей, мы не сможем закупить препарат со склада

поставщика и не удержим ее до утра. Срочно перезвоните!»

У Анны подкосились ноги.

Физически, по-настоящему. Воздух выбило из легких, словно под дых ударили кованым сапогом. Она покачнулась, слепо выбросила руку вперед и вцепилась пальцами в холодный край дубового стола, чтобы не рухнуть на пол.

— Полина... — вырвался из ее горла хриплый, удушливый стон. — Боже мой... Полина...

Перед глазами поплыло: худенькая Полина с огромными испуганными глазами, пластиковая трубка ИВЛ, мерный писк кардиомонитора.

— Мне нужно в больницу... — Анна оттолкнулась от стола, бросилась к двери. — Пустите меня! Я должна быть там! Я найду деньги! Я продам почку, я возьму микрозаймы, я...

Смолин преградил ей путь одним движением. Он встал перед ней несокрушимой скалой, схватил за плечи и с силой встряхнул:

— Очнись, Левина! Какие микрозаймы?! Кто тебе даст миллион посреди ночи?! У тебя на зарплатном счете сорок две тысячи рублей! Ты не доедешь даже до ворот больницы — оперативники перехватят тебя на Садовом кольце, и к двум часам ночи ты будешь сидеть в обезьяннике райотдела, пока твоя сестра захлебывается собственной мокротой!

Анна уткнулась лбом в его грудь, рыдая от бессилия и сминая пальцами тонкую ткань его сорочки:

— Пожалуйста... Богдан... Пожалуйста! Вы же можете! У

у вас есть эти деньги! Спасите ее! Я умоляю вас... Спасите мою сестру! Я отдам всё, я буду работать бесплатно всю жизнь, я подпишу любые расписки... Пожалуйста!

Смолин замер. На мгновение его пальцы на ее плечах сжались так сильно, что захрустели суставы. Он смотрел сверху вниз на ее запрокинутое заплаканное лицо, на мокрые ресницы, на дрожащие губы, которые только что умоляли его по имени.

В его глазах мелькнуло нечто темное, первобытное и победоносное. Ловушка захлопнулась именно так, как он рассчитывал.

Он медленно отстранил ее от себя, подвел к столу и мягко, но властно усадил в глубокое кожаное кресло для посетителей.

Затем Богдан выдвинул центральный ящик стола и достал оттуда плотный лист белой гербовой бумаги с золотым тиснением холдинга и уже отпечатанным текстом.

Он положил документ перед Анной:

«Дополнительное соглашение к трудовому договору № 412/18 о персональном обеспечении финансово-имущественных обязательств».

Смолин заговорил, и его голос звучал как приговор военного трибунала:

— Первое. Я закрываю дыру в восемьдесят миллионов евро из своих личных средств в швейцарском фонде. Холдинг отзывает претензии к Франкфурту, списав сбой на внутрен-

ную техническую ошибку серверов. Никакой полиции, никакого Следственного комитета, никаких Печатников. Твое имя остается чистым.

Анна затаила дыхание, боясь поверить.

— Второе, — продолжал он, глядя ей прямо в зрачки. — Прямо сейчас мой начальник службы безопасности Тарасов переводит два миллиона рублей на счет кардиореанимации Пятнадцатой больницы. Препараты будут в палате через двадцать минут. В семь утра в аэропорт Внуково-3 прилетает санитарный борт клиники «Хирсланден». Бригада немецких реаниматологов забирает Полину и транспортирует ее в Цюрих. Лучший кардиохирург Европы, профессор Вайсберг, проводит протезирование клапана за мой счет. Все расходы на операцию, восстановление в швейцарском реабилитационном центре и пожизненную терапию я беру на себя. Это триста восемьдесят тысяч евро.

Анна подняла на него ошеломленный, мокрый от слез взгляд. Сердце колотилось где-то в горле:

— Условие? Чего вы хотите взамен?

Смолин оперся кулаками о стол по обе стороны от документа, нависая над ней:

— Тебя, Анна. Целиком и полностью.

Глава 3

Воздух в кабинете словно замерз.

— С этой ночи ты живешь в моей загородной резиденции на Рублевке. Договор аренды аннулируешь. Твой рабочий график — двадцать четыре на семь. Ты выполняешь любые мои распоряжения без права возражений. Никаких друзей, посторонних звонков и мужчин. Ты принадлежишь мне, пока я не решу, что долг закрыт.

— Это... это рабство, — прошептала она пересохшими губами.

— Это плата за жизнь твоей сестры и твою свободу, — холодно парировал Смолин. — Один твой шаг в сторону, одна жалоба в полицию, одна попытка связаться с Коршуновым или сбежать — и финансирование клиники в Цюрихе прекращается в ту же секунду. А папка с доказательствами твоей вины на восемьдесят миллионов ложится на стол следователя по особо важным делам.

Он достал из внутреннего кармана тяжелую перьевую ручку Montblanc с золотым пером, отвинтил колпачок и вложил инструмент в ее непослушные, ледяные пальцы.

— Выбирай, Анна. У тебя ровно тридцать секунд. Либо ты подписываешь соглашение и твоя сестра живет. Либо через десять минут здесь будет конвой в наручниках.

Анна посмотрела на белизну гербовой бумаги.

Перед глазами стояла улыбка Полины, ее слабый голос: «Анечка, ты у меня самая лучшая... Я так хочу жить».

Слезы снова обожгли веки, но на этот раз Анна не позволила им упасть. Она сжала золотое перо так сильно, что металл врезался в кожу.

Подняв голову, она посмотрела прямо в холодные штормовые глаза Смолина. В этом взгляде больше не было мольбы — там родилась ледяная, неукротимая ненависть женщины, у которой отняли всё, кроме чести.

— Я ненавижу вас, — отчетливо, по слогам произнесла

она.

— Я знаю, Анна, — усмехнулся Богдан. — Подписывай.

Тонкий скрип пера по плотной бумаге прозвучал в тишине как выстрел.

Левина А. Д.

* * *

Смолин аккуратно сложил подписанное соглашение вдвое, подул на еще влажные чернила ее подписи и убрал лист во внутренний карман пальто. Затем поднял пальто с дивана и накинул на плечи.

Затем его тяжелая ладонь легла на предплечье Анны чуть выше локтя. Хватка была железной, неодолимой, но рассчитанной с филигранной точностью: он не оставлял синяков на нежной коже, но двигаться позволял только в заданном им направлении.

— Идем, — коротко бросил он.

Приватный лифт встретил их мертвой тишиной и зеркальными стенами от полированного пола до светящегося белого потолка. Когда створки закрылись, отсекая пространство пятьдесят восьмого этажа, кабина мягко провалилась вниз, набирая бешеную скорость.

В отражениях зеркал Анна видела их обоих так четко, словно под прицелом софитов.

Она — тонкая, бледная, с темными тенями под глазами, в строгой юбке и кремовой шелковой блузке, верхняя пуговица которой была расстегнута, обнажая беззащитную белизну

ключиц. Ее пепельно-русые пряди слегка выбились из строгой прически, обрамляя лицо тонкими завитками.

И рядом — Богдан.

Огромный, широкоплечий, возвышающийся над ней почти на две головы. Черная сорочка обтягивала широкую грудь, открывая рельефные мышцы и шрамы. В зеркале его серые глаза неотрывно следили за бьющейся жилкой на ее шее. От его тела исходил такой плотный хищный жар, что воздух в зеркальной капсуле казался наэлектризованным до треска.

Цифровое табло отсчитало уровни и замерло на отметке: «-2».

Двери открылись в сырой, пахнущий машинным маслом и стылым бетоном полумрак подземного паркинга.

Здесь было холодно. С потолочных балок в водоотводные желоба с монотонным стуком капала вода. У массивной опоры рокотал шестилитровым двигателем черный бронированный Cadillac Escalade, хищно разрезая полутьму светодиодными габаритами.

Рядом с открытой водительской дверью застыл начальник службы безопасности Глеб Тарасов — невозмутимый мужчина сорока двух лет, коренастый, с лицом из дубленой кожи и внимательными, немигающими глазами бывшего офицера армейского спецназа.

Смолин слегка ослабил хватку, отпуская локоть Анны, и сделал шаг к Тарасову:

— Деньги ушли?

— Так точно, Богдан Сергеевич. — Тарасов развернул к нему экран с подтверждением перевода. — Два миллиона на спецсчет кардиореанимации Пятнадцатой упали три минуты назад. Заведующий отделением подтвердил закупку «Левосимендана». Девочку стабилизируют. Заявка на санитарный борт во Внуково-3 акцептована немецкой стороной. Вылет из Цюриха через час, посадка в Москве в шесть сорок утра.

Анна судорожно перевела дух. Слова Тарасова упали на сердце каплями целебного бальзама. Значит, не обманул. Полина будет жить.

Пока Смолин уточнял у начальника охраны детали по дипломатическому коридору для немецких врачей, Анну обожгла внезапная, отчаянная мысль.

Она стояла в двух шагах за спиной Богдана. Ее пальцы лихорадочно нырнули в кожаную сумочку на плече, нащупывая знакомый холодный корпус старенького смартфона.

Коршунов.

Ей нужно было услышать его голос. Понять, зачем он это сделал. Если Вадим хотя бы косвенно признает в разговоре, что брал ее токен, если она успеет нажать кнопку диктофона — у нее появится хоть какой-то рычаг! Хоть крошечный шанс доказать свою невиновность и сбросить это чудовищное ярмо добровольного рабства!

Анна прикрыла экран ладонью, разблокировала дисплей и быстро нажала на контакт в недавних вызовах: «Вадим Кор-

шунов».

Она поднесла телефон к уху, затаив дыхание.

В динамике успел раздаться лишь один короткий щелчок коммутации.

В следующее мгновение воздух вокруг нее взорвался.

Тяжелая, как кузнечный молот, ладонь Смолина обрушилась на ее запястье. Пальцы мужчины сжались с такой сокрушительной силой, что кости предплечья затрещали. От резкой боли Анна вскрикнула, ее пальцы разжались сами собой.

Смолин выдернул смартфон из ее руки.

Его взгляд упал на светящийся экран, где крупными белыми буквами пульсировало имя директора инвестиций: «Вадим Коршунов... Вызов...»

Анна никогда в жизни не видела такого выражения лица.

Черты Богдана исказились первобытной, звериной яростью. Скулы побелели, в глазах взметнулось такое бешеное пламя ревности, что ей показалось, будто земля под ногами уходит вниз.

— Коршунову? — его голос сорвался на низкий, хриплый рык. — Ты звонишь Коршунову?! Решила побежать к своему любовнику прямо у меня на глазах?!

— Пустите! Это не то, о чем вы думаете! — закричала Анна, пытаясь вырвать руку. — Я хотела спросить про токен! Я хотела...

Смолин даже не стал ее слушать.

Его движения были быстрыми, расчетливыми и беспо-

щадными. Ногтем большого пальца он с силой поддел тонкий пластиковый лоток, вытряхнул крошечную сим-карту на свою широкую ладонь и одним движением ногтя переломил ее пополам. Сухой щелчок сломанного чипа эхом разнесся по паркингу.

Затем Богдан поднял руку и с чудовищной силой швырнул сам смартфон в железобетонную опору.

Удар был такой силы, что аппарат буквально взорвался. Каленое стекло экрана разлетелось на тысячи сверкающих брызг, пластиковый корпус треснул пополам, литиевый аккумулятор с шипением отлетел в сторону, засыпая мокрый асфальт черными осколками микросхем прямо под колеса внедорожника.

— Нет! — закричала Анна, и этот крик был полон подлинного отчаяния.

Она рванулась вперед, пытаясь упасть на колени и собрать хоть что-то, но Смолин перехватил ее обеими руками за талию.

Одним мощным рывком он оторвал ее от земли, словно пушинку, развернул на сто восемьдесят градусов и с размаху впечатал спиной в бронированный борт внедорожника.

Металл кузова глухо загудел от удара.

Богдан навалился на нее всем телом, блокируя любые движения. Его бедра вдавили ее ноги в дверцу, а грудь прижала хрупкое тело Анны так, что она почувствовала бешеный ритм его сердца.

Его лицо опустилось к ее виску. Горячее дыхание мужчины обжигало кожу.

— Слушай меня сюда, Левина, — зарычал он ей прямо в ухо, и от вибрации его баритона у нее заныло все тело. — Твоя прежняя жизнь сдохла полчаса назад в моем кабинете. В твоём новом мире нет никакого Коршунова. Нет никаких бывших, никаких ухажеров, никаких подруг. Ни одна живая душа не имеет права звонить тебе, писать тебе или смотреть на тебя. Ты принадлежишь мне. Каждый твой вздох, каждая мысль в твоей голове, каждый сантиметр этого тела. Если я еще хоть раз увижу или услышу, что ты смотришь в сторону другого мужика — я сотру его в пыль. А тебя запру в подвале так глубоко, что ты забудешь, как выглядит дневной свет. Ты поняла меня?!

Анна тяжело дышала, глядя в его дикие, горящие глаза. Страх боролся в ней с невероятной, унижительной дрожью, вспыхнувшей в глубине живота от его чудовищной близости.

— Вы сумасшедший... — выдохнула она сквозь стиснутые зубы. — Вы больной ублюдок... Там были фотографии моей матери! Все ее живые фотографии, не эти два постановочных снимка в рамках! Там были все контакты врачей Полины!

Лицо Смолина на мгновение дрогнуло, в глазах мелькнула едва заметная тень, но он тут же заковал черты в привычную ледяную броню.

Он медленно опустил руки, выпуская ее из тисков, но не

отступая ни на сантиметр.

— Контакты врачей есть у Тарасова. А мать ты должна помнить сердцем, а не на разбитом экране дешевого китайского хлама, — отчеканил он, распахнул заднюю дверь внедорожника и кивнул на просторный кожаный салон: — Садись.

Глава 4

Анна, прижимая дрожащие руки к груди, забралась на высокое сиденье.

Дверь с глухим бронированным стуком захлопнулась. Смолин сел рядом. Салон Escalade был царством роскоши: темно-коричневая полуанилиновая кожа, вставки из матового дуба, мягкая янтарная подсветка контуров.

— На Дубровку, — бросил Богдан Тарасову, севшему за

руль.

Внедорожник мягко тронулся с места, вынырнул из чрева подземного паркинга и понесся по пустым, омытым дождем набережным ночной Москвы.

Дорога заняла меньше двадцати минут.

У обшарпанной панельной девятиэтажки на Дубровке Смолин не стал выходить из машины. Он повернулся к Анне:

— У тебя пятнадцать минут. Тарасов поднимается с тобой. Берешь только самое необходимое: документы, медицинские карты сестры, одежду на первое время. К домашнему компьютеру не прикасаться. Если попытаешься задержаться хоть на минуту — Тарасов вынесет тебя на плече. Время пошло.

Анна не стала спорить.

Под молчаливым, тяжелым конвоем начальника СБ она избежала по оплеванной лестнице на третий этаж, дрожащими пальцами открыла замок своей маленькой однушки.

Здесь всё пахло привычной, бедной, но теплой жизнью: сушеной лавандой, дешевым ромашковым чаем, крахмальными занавесками и детскими лекарствами Полины.

Анна метнулась по комнате. Вытащила из шкафа старую спортивную сумку. Положила туда свой паспорт, свидетельство о рождении сестры, три пухлые папки с результатами УЗИ сердца, коронарографий и выписок из Бакулевки, упаковку лекарств Полины. Забросила смену белья, запасную синтетическую блузку и офисный жакет, две простые хлоп-

ковые футболки и свой любимый серый шерстяной кардиган крупной вязки.

Она остановилась перед комодом. В деревянной рамке стояла фотография: улыбающиеся родители на даче за год до той страшной аварии на трассе.

Анна протянула руку, коснулась холодного стекла пальцами. Слезы снова обожгли глаза.

— Время, Анна Дмитриевна, — негромко, но непреклонно произнес от порога Тарасов.

Она зажмурилась, сунула рамку в сумку между вещами, застегнула молнию и вышла из квартиры.

Когда она вернулась в салон внедорожника, Смолин даже не поднял взгляда от экрана своего планшета, изучая финансовые сводки азиатских рынков.

Машина тронулась, выруливая на Третье транспортное кольцо.

Анна сидела, прижавшись плечом к холодному стеклу двери, обнимая свою сумку как единственный осколок прежнего мира.

Вдруг на ее колени упала плоская тяжелая коробка из черного матового карбона.

Анна вздрогнула, посмотрев на Богдана.

— Открой, — бросил он, не поворачивая головы.

Она медленно сняла крышку. На черном бархатном ложементе лежал монолитный смартфон из темно-серого шлифованного титана. Ни яблока, ни логотипов — абсолютно чи-

стый, холодный металл с узким матовым экраном.

— Защищенная спутниковая связь, — отчеканил Смолин. — Два номера: мой и Тарасова. Никаких соцсетей и посторонних звонков. Встроен автономный GPS-маяк. Если устройство отключится дольше трех минут — группа перехвата блокирует периметр.

Анна провела кончиками пальцев по ледяному металлу корпуса.

— Вы превратили мою жизнь в тюрьму.

Смолин медленно повернул голову. Его штормовые глаза в полумраке салона блеснули холодным серебром:

— Я спас жизнь твоей сестре, Анна. А тюрьму для себя ты выбрала сама, когда поставила свою подпись под финансовым крахом моего холдинга. Добро пожаловать в новую реальность.

* * *

Около двух часов ночи тяжелый внедорожник свернул с освещенного скоростного шоссе на узкую частную трассу, уходящую вглубь векового соснового массива на Рублево-Успенском направлении.

Огромные корабельные сосны обступали частную дорогу с обеих сторон, смыкая мохнатые лапы высоко над крышей автомобиля. В свете лазерных фар капли дождя казались серебряными стрелами.

Машина сбавила ход перед монументальным пятиметровым забором из дикого серого гранита. Чугунные ворота с

гербовым барельефом в виде волчьего профиля бесшумно разошлись в стороны, пропуская кортеж на закрытую территорию, и тут же сошлись обратно с глухим металлическим лязгом.

Анна посмотрела в окно.

Пять гектаров глухого реликтового леса. Анна искала взглядом хотя бы одно чужое окно. Светильники вдоль дорожки выхватывали из темноты сосновые стволы; за ними сгущалась такая же непроглядная чаща.

Отсюда невозможно было сбежать. Даже если бы ей удалось перелезть через гранитную стену, до ближайшего населенного пункта тянулись километры глухого охраняемого леса с тепловизорами и патрулями.

Внедорожник мягко затормозил у широкой гранитной террасы главного особняка.

Дом Смолина был воплощением суровой, монументальной архитектуры: три уровня монолитного черного сланца, термообработанного ясеня и бронированного стекла. Он не походил на помпезные замки рублевских нуворишей — это была неприступная, хищная цитадель, идеально вписанная в дикую природу.

Смолин первым вышел из салона. Морозный сосновый воздух, напоенный смолой, мокрой хвоей и чистейшим озоном, мгновенно хлынул в открытую дверь.

Богдан протянул руку в салон, перехватил Анну за запястье и помог спуститься на гранитные плиты. Он не стал

отдавать ее сумку охране: взяв старую спортивную сумку из рук Тарасова, Смолин небрежно закинул ее на собственное плечо.

— Отдыхай, Глеб. До утра свободен, — бросил он начальнику СБ.

— Доброй ночи, Богдан Сергеевич. Анна Дмитриевна, — сдержанно кивнул Тарасов и остался у машины.

Смолин повел Анну к массивному portalу главного входа. Створка из черненого дуба и стали открылась по биометрическому датчику ладони.

Внутри резиденции царила звенящая, гулкая тишина.

Двусветный холл с потолками в семь метров и полом из полированного черного мрамора подавлял размахом. Абсолютный минимализм: строгие консоли из темного металла, открытый камин с вулканическим камнем и ни малейшего следа уюта или прислуги. Дом казался вымершим, принадлежащим исключительно одному хищнику.

Смолин не стал задерживаться внизу. Он молча направился к парящей винтовой лестнице со ступенями из черного камня и стеклянными ограждениями.

Анна шла за ним, стараясь не отставать. Ее каблуки гулко цокали по мрамору, выбивая тревожный ритм. Усталость навалилась свинцовой тяжестью: веки слипались, тело ныло от пережитого шока, но адреналин продолжал жечь вены, не давая расслабиться ни на секунду.

Они поднялись на второй этаж. Длинный коридор был за-

шит матовыми панелями из американского ореха. В полумраке горели только напольные световые полосы.

Богдан дошел до самого конца левого крыла, толкнул тяжелую дверь и отступил в сторону, пропуская ее вперед:

— Твоя комната.

Анна переступила порог и замерла.

Гостевая спальня была огромной — не меньше шестидесяти квадратных метров. Пол устилал толстый графитовый ковер с высоким ворсом, полностью поглощавший любые звуки. В центре на низком подиуме стояла гигантская кровать King Size, застеленная тяжелым темно-серым сатином. Напротив кровати всю стену занимало панорамное остекление в пол: во тьме за стеклом мерно раскачивались под порывами осеннего ветра вершины вековых сосен, а по триплексу струились бесконечные потоки дождя.

В глубине комнаты виднелись две двери: одна вела в просторную гардеробную, вторая — в ванную комнату, откуда сквозь матовое стекло проглядывали очертания отдельно стоящей чаши из темного литьевого камня.

Смолин прошел внутрь, бросил ее сумку на кожаную банкетку в изножье кровати.

— Постельное белье свежее. Вода, полотенца, средства гигиены — всё в ванной. Утром курьер доставит базовый гардероб твоего размера. Выпись, Левина. Твоя бледность меня раздражает.

Он развернулся и направился к выходу.

В груди Анны шевельнулась острая, отчаянная надежда. Запереться. Просто закрыть дверь, повернуть ключ, упасть на этот чертов сатин и разрыдаться, выплакать весь ужас этой ночи, спрятаться от его тяжелого, раздевающего взгляда!

Едва Смолин перешагнул порог коридора, Анна бросилась к двери.

Она схватилась за массивную латунную ручку, захлопнула тяжелое полотно и опустила пальцы к замку, пытаясь нащупать поворотный фиксатор.

Ее пальцы скользнули по холодному, абсолютно гладкому металлу накладки.

Анна похолодела.

Она опустила глаза. Поворотный флажок защелки был грубо срезан под корень. А замочная скважина под ручкой оказалась наглухо залита застывшим свинцовым сплавом — серая металлическая пробка была зашлифована вровень с декоративной планкой.

Анна еще раз провела ногтем по спиленному флажку. Ноготь зацепился за заусенец. Она прижала дверь плечом, словно собственного веса хватило бы вместо уничтоженного замка.

Сердце Анны пропустило удар и заколотилось в горле с новой силой.

Она толкнула дверь от себя, распахивая ее настежь. Смолин не ушел.

Он стоял прямо в коридоре, прислонившись широким плечом к косяку ее двери. Руки скрещены на мощной груди, темные волосы слегка растрепаны, а на губах блуждает ленивая, издевательская полуулыбка.

Он ждал этого. Он точно знал, что она сделает в первую же секунду.

— Ищешь задвижку, Анна? — негромко спросил он. Его низкий баритон эхом прокатился по пустому коридору.

— Вы... вы сняли замок? — ее голос сорвался на шепот, в котором звенела неприкрытая паника. — Вы намеренно уничтожили замок в моей спальне?!

Смолин медленно выпрямился во весь свой пугающий рост и сделал один шаг вперед, переступая границу ее комнаты.

Анна невольно отступила назад, вжимаясь пальцами в край открытой двери.

— В этом доме нет запертых дверей, Левина. И никогда не будет. Твое тело, сон и безопасность принадлежат мне. Ты отработываешь долг в восемьдесят миллионов евро.

— Я имею право на элементарную неприкосновенность! — задохнулась Анна, и слезы бессильной ярости обожгли ее веки. — Я женщина! Я не могу спать в комнате, куда в любую секунду может войти мужчина!

Богдан шагнул еще ближе. Теперь он стоял так близко, что тепло его тела снова окутало ее, заставляя замолчать.

Он медленно поднял руку и коснулся тыльной стороной

пальцев ее пылающей щеки. Прикосновение было неожиданно бережным, почти ласковым, но от этого контраста у Анны перехватило дыхание, а по спине пробежала стая ледяных мурашек.

— Моя спальня напротив, — тихо сказал Смолин, и глаза его потемнели. — Пять метров по прямой. Если ночью захочешь пить — убедись, что одета плотнее воздуха. Иначе я решу, что ты пришла сама. И до утра из моей постели ты не выйдешь.

Анна замерла, не смея пошевелиться под его обжигающим взглядом. Воздух в легких превратился в раскаленное стекло.

Смолин убрал руку с ее щеки, взялся за край дубовой двери и потянул ее на себя.

Он не стал захлопывать ее.

Дверь мягко прикрылась, но остановилась, оставив темный вертикальный зазор шириной в ладонь.

— Спи, Анна. Завтра в восемь утра ты выходишь на службу.

Его шаги неторопливо удалились по коридору.

Анна осталась стоять посреди огромной спальни. Ноги подкосились, и она медленно опустилась на колени прямо на мягкий ворс графитового ковра.

Она сбросила тесные туфли-лодочки, подогнула под себя озябшие пальцы. В комнате было тепло, но ее колотила крупная, неудержимая дрожь.

Она повернула голову к панорамному окну: там, за толстым стеклом, яростно хлестал осенний дождь, а могучие сосны гнулись под порывами штормового ветра. Ни огней города, ни гудков машин — только дикая глушь загородного поместья.

Золотая клетка захлопнулась.

Анна перевела взгляд на щель приоткрытой двери.

В темноте коридора раздался отчетливый, металлический щелчок кремневого колесика зажигалки Zippo.

На одну короткую секунду вспыхнувший желтый язычок пламени выхватил из мрака хищный силуэт Смолина: прямой разворот плеч, резкий профиль с жестким подбородком и сигарета, зажатая в зубах.

Огонек погас, сменившись тлеющей рубиновой точкой.

Он не ушел спать. Он стоял там, во тьме ночного коридора, охраняя свою пленницу и вглядываясь в щель ее спальни.

Анна прижала ледяные ладони к пылающему лицу, чувствуя, как в груди вместе с диким ужасом разгорается темное, опасное пламя, которому у нее больше не было сил сопротивляться.

Глава 5

Серый жемчужный рассвет просачивался сквозь кроны вековых сосен медленно, словно нехотя. Огромные панорамные окна гостевой спальни на втором этаже выходили в глухую лесную чащу, где ключья тумана висели на колючих лапах деревьев.

Анна открыла глаза от резкого холода, стянувшего пальцы ног.

Она лежала поверх широкого покрывала на исполинской кровати, не раздеваясь. Вчерашняя офисная блузка из кремового шелка измялась на спине и локтях, жесткий пояс юбки-карандаша давил на ребра, а капроновые чулки покрылись паутиной затяжек. В висках ворочалась тяжелая глухая боль.

Сознание мгновенно собрало осколки вчерашней ночи.

23:46. Пятьдесят восьмой этаж башни «Смолин Сити». Алый баннер ошибки CRC32 на изогнутом мониторе. Сорванный международный контракт на восемьдесят миллионов евро. Разбитый в крошку смартфон на мокром бетоне подземного паркинга. И Смолин — возвышающийся над ней, пахнувший ледяным дождем, кедром и горьким табаком, заставивший ее дрожащую руку подписать кабальное соглашение о личном подчинении.

Анна резко села. Позвоночник отозвался ломотой.

Она повернула голову к двери.

Массивное полотно из мореного дуба оставалось приоткрытым на ширину ладони — так, как оставил его ночью хозяин дома. Анна спустила босые ноги на графитовый ковер и подошла ближе. Взгляд опустился к ручке: поворотный флажок замка был грубо срезан под корень, а отверстие скважины залито зашлифованным до блеска свинцовым сплавом.

Анна оставила дверь как была. За ночь обида стала тяжелее страха: даже утром ей приходилось одеваться с оглядкой на этот проем.

На тумбе из черного оникса лежал служебный коммуникатор — матовый брусок из авиационного титана. Анна нажала клавишу. Экран вспыхнул, отобразив всего два номера: «Смолин» и «Тарасов». Она попробовала набрать больницу вручную. Аппарат вернул ее к двум разрешенным контактам. Она даже не могла узнать, пережила ли эту ночь семнадцатилетняя Полина, задышавшаяся в реанимации пятнадцатой городской больницы.

Стиснув зубы, Анна загнала страх вглубь. Если она сложится сейчас, этот хищник сожрет ее без остатка.

Она умылась ледяной водой в мраморной ванной, пригладила пепельно-русые волосы и расправила помятую ткань блузки. Она не содержанка. Она личный референт высшей категории. Смолин сам заявил, что она должна отработать сорванный контракт. Значит, она заставит его играть по правилам: потребует серверные логи, терминал и аудит.

Анна толкнула дубовую дверь и вышла в коридор.

Напротив зевала распахнутая спальня хозяина — широкая кровать с черным бельем была нетронута. Анна направилась к лестнице. Спускаясь по черным полированным ступеням в двусветный холл первого этажа, она уловила мерные звуки: ровное гудение вентиляции, щелчки индукционной плиты и сочный треск электрической кофемолки.

А затем на нее накатила густая волна запахов.

Свежесмолотая гватемальская арабика с оттенком горького шоколада, разогретое оливковое масло, пряный шпинат,

вяленные томаты и морская соль. Желудок Анны, пустой со вчерашнего полудня, болезненно свело.

Она замерла у подножия лестницы.

Огромная кухня-столовая отделялась от холла пятиметровым островом из матового черного гранита. У плиты спиной к залу стоял мужчина.

У Анны перехватило дыхание.

Это был Смолин. Но не в привычном глухом итальянском костюме-тройке Brioni.

На нем были только свободные темно-серые спортивные брюки, державшиеся на узких бедрах. Ни сорочки. Ни обуви — широкие босые ступни стояли прямо на полированном полу.

Его фигура подавляла литой, пугающей мощью. Огромные плечи, рельефные бугры широчайших мышц спины, мощная шея. Но главное — поперек всей левой лопатки, огибая ребра и уходя вниз к поясу, тянулся чудовищный белесый след старого ожога — грубая, бугристая ткань, оставленная беспощадным пламенем. Шрам не портил его; он делал его опасным зверем, прошедшим сквозь пекло.

Смолин деревянной лопаткой перевернул на сковороде золотистый пышный омлет.

Анна не шелохнулась, но он заговорил, даже не поворачивая головы:

— Доброе утро, Левина. Налюбовалась? Или тебе требуется пара минут для служебного отчета о моих физических

параметрах?

Его низкий баритон вибрировал в воздухе.

Кровь бросилась Анне в лицо. Она расправила плечи:

— Я спустилась не любоваться вами, Богдан Сергеевич. Я требую рабочее место. Терминал с доступом к корпоративной сети и серверные логи по Франкфурту. Вы заявили, что я должна отработать долг, а не сидеть взаперти.

Смолин выключил плиту, снял с кофемашины две тяжелые чашки темного фарфора и не спеша развернулся.

Анна невольно сглотнула.

Спереди он был столь же сокрушителен: рельефные пластины груди, стальной пресс, темная полоска волос над поясом и тонкая царапина на чисто выбритой скуле. В штормовых серых глазах плескалась холодная насмешка.

Он пошел прямо на нее — мягко, пружинисто, неслышно.

Анна инстинктивно отступила назад. Шаг, другой — пока лопатки сквозь шелк не уперлись в ледяное стекло террасы. Бежать было некуда.

Смолин остановился вплотную, нависая над ней всей массой своего роста. Запах раскаленной кожи, кедра, черного перца и крепкого эспresso заполнил легкие Анны, лишая воздуха. Он поставил обе чашки на подоконник у ее плеча и оперся рядом ладонью, отрезая выход.

Взгляд его скользнул по ее лицу, задержался на пересохших губах и опустился к шее, где судорожно бился пульс.

— Ты бледна как смерть, Аня, — произнес он хрипло.

— Глаза запали, в коленях дрожь. Твоя отработка начнется тогда, когда я сочту тебя дееспособной. А сейчас — за стол.

— Это мое личное дело!

— Здесь нет ничего твоего личного, — отрезал он, и голос упал свинцовой тяжестью. — С момента подписи в кабинете твое тело, твое здоровье и твой распорядок принадлежат мне.

Его сухие, горячие пальцы жестко перехватили ее подборок. Кожу обожгло жаром. Анна дернулась, но Смолин лишь зафиксировал хватку, заставляя смотреть в темную бездну своих зрачков:

— Пошла за стол, Анна. Живо.

Он отпустил ее, забрал чашки и отошел к острову, где уже стояла широкая тарелка: горячий омлет со шпинатом и козым сыром, тосты и авокадо. Рядом лежала тяжелая серебряная вилка.

Анна осталась стоять у холодного стекла.

— Я не стану есть вашу еду, — процедила она сквозь зубы.
— Я вам не любовница, чтобы принимать подачки с барского стола.

Смолин оперся ладонями о гранит и посмотрел на нее с ледяным прищуром:

— Любовница? Ты слишком самонадеянна, девочка. Любовницам я оплачиваю счета и меняю их, когда надоедают. А с тобой разговор особый.

Он достал из кармана брюк титановый телефон, нажал

клавишу быстрого набора и поднес к уху. Щелкнуло соединение.

— Слушаю, Богдан Сергеевич, — раздался резкий голос Тарасова.

Смолин смотрел Анне прямо в глаза:

— Тарасов. Отменяй санитарный борт клиники «Хирсланден» на Цюрих.

Слова рухнули на Анну подобно гранитной плите. Земля ушла из-под ног.

— Что?.. — вырвался у нее сдавленный стон.

— Вызов европейской бригады аннулировать, — продолжал Смолин безжалостно. — Пациентку Левину Полину перевести из реанимации в общую палату горбольницы номер пятнадцать. Финансирование операции отозвать.

— Нет! — закричала Анна.

Забыв обо всем, она сорвалась с места, в два шага преодолела разделяющее их расстояние и обеими руками вцепилась в обнаженное предплечье Смолина.

Его рука под ее пальцами была как литая пушечная сталь. Мышцы вздулись, раскаленная кожа обожгла ладони, но Анна сжимала его со всей силой, впиваясь ногтями:

— Не смейте! Умоляю, не смейте! — ее голос сорвался на отчаянный, захлебывающийся крик, по щекам брызнули горячие слезы. — У нее отек легких! Она не выживет без аппарата! Вы же обещали!

Смолин медленно опустил трубку, не сбрасывая вызов.

Его лицо оставалось невозмутимой маской.

— Я обещал оплатить спасение твоей сестры в обмен на абсолютное подчинение, — тихо проговорил он, и каждое слово било наотмашь. — Ты решила бунтовать в моем доме? Отказываешься есть?

— Я съем... все съем! — задыхаясь от унижения и паники, забормотала Анна. — Пожалуйста... верните борт! Умоляю вас, Богдан!

Имя сорвалось само — запретное, интимное.

В глазах мужчины на миг вспыхнуло голодное пламя. Желваки свело с глухим скрежетом.

— Тарелка омлета, Анна. До единой крошки. И чашка кофе. Прямо сейчас, на моих глазах. Выплюнешь хоть кусок — я нажимаю отбой, и к вечеру твоя сестра будет в море. Ты поняла меня?

— Поняла... господи, я все поняла...

Она разжала онемевшие пальцы, оставив на его загорелой коже багровые следы полумесяцев от ногтей.

Едва удерживая равновесие, Анна забралась на барный стул. Пальцы ходили ходуном, вилка со звоном ударилась о край тарелки. Смолин стоял напротив, держа телефон у уха и не спуская с нее тяжелого надзорного взгляда.

Анна подцепила кусок горячего омлета и заставила себя проглотить.

Горло сжало судорогой. Еда казалась горькой от слез, капавших с подбородка на гранитную стойку. Ее мутило от

бессилия и стыда, каждый кусок вставал комом, но перед глазами стояло синее лицо Полины. Она жевала и глотала механически, давясь, не ощущая вкуса сыра и томатов.

Смолин не сводил с нее глаз. Он буквально впитывал ее капитуляцию, смакуя каждую секунду власти над ее гордостью.

Через несколько бесконечных минут тарелка опустела.

Анна схватила чашку с остывающим кофе и жадными, судорожными глотками выпила горькую жидкость до дна. Опустила фарфор на столешницу и подняла на мужчину горящие синие глаза:

— Я все съела. Теперь ваша очередь, господин Смолин.

Богдан поднес телефон к губам:

— Тарасов.

— На связи.

— Отбой отмене. Санитарный борт на Цюрих — немедленный взлет. Проводку всех швейцарских счетов подтверждаю лично. Полный протокол сопровождения.

— Принято. Через пятнадцать минут борт вылетает из Внуково-3.

Смолин бросил аппарат на столешницу, наклонился через остров и заглянул в заплаканное, бледное лицо Анны. Между их губами было не больше ладони.

— Договариваться со мной очень просто, Левина, — тихо уронил он с темной усмешкой. — Ты делаешь ровно то, что я приказал. И тогда твоя сестра будет жить.

Анна промолчала, стиснув зубы до боли в челюсти.

Первый раунд остался за ним. Но ее ненависть стала лишь острее.

Глава 6

К одиннадцати часам утра осенний туман за панорамными стеклами рассеялся, сменившись промозглым, морозящим дождем. Капли с тихим шелестом стекали по бронированному триплексу, за которым высились неподвижные, темные великаны соснового бора.

Анна сидела в глубоком кожаном кресле гостиной, сжимая в онемевших пальцах титановый коммуникатор. По-

следние два часа она методично пыталась ввести сервисные коды разблокировки внешнего шлюза, но экран каждый раз отзывался сухо: «Доступ ограничен политикой безопасности класса А». После каждого отказа она возвращалась к клавиатуре. Коды, выручавшие ее в командировках, здесь упирались в одно и то же окно; к последней попытке большой палец уже ныл.

Ее мысли безостановочно кружили вокруг Франкфуртской сделки. Если бы Смолин позволил ей добраться до резервных архивов, она бы поминутно доказала, что ее электронный сертификат использовали из учетной записи Вадима Коршунова. Но Смолину не нужны были доказательства. Ему нужна была она — сломленная, послушная, запертая в его логове.

Тишину разорвал резкий, низкий зуммер интеркома на посту охраны.

Спустя минуту тяжелые двойные двери главного входа бесшумно разошлись в стороны. В холл вошли двое крепких сотрудников охраны в черных тактических костюмах, а следом за ними — ухоженная женщина лет сорока в строгом брючном костюме цвета графита.

Охранники катили перед собой три широких хромированных гардеробных рейла на колесиках. Стойки были до отказа забиты черными матовыми чехлами с тиснеными золотыми логотипами тяжелого люкса: Tom Ford, Loro Piana, Max Mara, The Row. Следом двое других бойцов внесли це-

люю пирамиду из лаковых черных коробок с обувью Jimmy Choo и Gianvito Rossi, а также бархатные планшеты с комплектами тончайшего шелкового белья La Perla.

Женщина подошла к центру холла, сверилась со светящимся планшетом в руке и почтительно склонила голову:

— Добрый день, Анна Дмитриевна. Меня зовут Элеонора, я ведущий стилист дома персонального обслуживания. Богдан Сергеевич отдал распоряжение полностью укомплектовать ваш гардероб на текущий сезон. Мы привезли капсулы повседневной, деловой и вечерней одежды, а также домашние шелковые комплекты. Ваши параметры были переданы заранее: сорок второй размер одежды, обувь строго тридцать седьмого размера, полная посадка. Прошу вас, давайте начнем примерку.

Анна медленно поднялась с кресла. Кровь отхлынула от ее лица, а затем ударила в виски обжигающей волной унижения.

Сорок второй. Тридцать седьмой. Он знал даже размер ее обуви! Этот человек препарировал ее жизнь до последнего сантиметра, словно составлял техническую спецификацию на купленное оборудование.

Она сделала пять быстрых шагов и встала прямо перед хромированными рейлами, раскинув руки в стороны:

— Убирайтесь, — ее голос дрожал от сдерживаемой ярости. — Немедленно заберите все это и уносите обратно! Я не стану ничего мерить!

Элеонора растерянно моргнула, переглянувшись с молчаливыми охранниками:

— Но, Анна Дмитриевна, это прямое распоряжение Богдана Сергеевича... Все ткани натуральные — кашемир, кади, шелк Mulberry, ручная работа...

— Мне плевать, чье это распоряжение! — Анна задышалась, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. — Я наемный сотрудник холдинга! Личный помощник! А не содержанка, которую одевают за чужой счет! Я не приму от Смолина ни одной нитки, вы слышите меня?! Ни единой тряпки!

— Продолжай, Левина. Твои вокальные данные делают это утро значительно бодрее.

Глухой, бархатистый баритон прозвучал из галереи, ведущей в библиотеку.

Анна резко обернулась.

Смолин шел к ней неторопливой, вальяжной походкой хозяина. На нем была безупречно отглаженная черная хлопковая сорочка, верхние пуговицы которой были расстегнуты, обнажая бронзовую шею, а рукава закатаны до локтей. На его предплечьях бугрились сухие вены, а на левой руке белели полосы ожогового шрама. На ногах были мягкие замшевые лоферы.

Но взгляд Анны приковало к его рукам.

В левой руке Смолин небрежно сжимал серый комок ткани — ее запасную синтетическую блузку из дешевого масс-

маркета и тонкий офисный жакет, которые она прошлой ночью привезла в спортивной сумке из ее съемной квартиры на Дубровке.

— Отдайте, — Анна сделала шаг к нему, вытягивая руку. — Это мои личные вещи!

Смолин даже не взглянул на нее.

Он подошел к огромному каминному portalу из грубо обработанного базальта, где с ночи мерцали крупные березовые угли. Носком лофера он отодвинул ажурную чугунную решетку, перехватил блузку и жакет и одним плавным, небрежным движением швырнул их прямо в раскаленное жерло.

Дешевый полиэстер коснулся углей.

Секунда — и ткань зашипела, скукожилась и вспыхнула ядовитым сине-желтым пламенем. По холлу пополз едкий, химический запах горячей синтетики. Огонь жадно сожрал тонкие пуговицы, пожрал швы и за несколько мгновений обратил ее запасной офисный комплект в горсть черного жирного пепла.

— Что вы делаете?! — крикнула Анна, бросившись к камину, но Смолин выставил широкую ладонь, уперевшись ей в плечо и отталкивая назад. — Вы с ума сошли?! Это были мои вещи! Я купила их на первую зарплату, когда устроилась в холдинг!

— Значит, самое время с ними попрощаться. — Смолин удержал ее за плечо, пока край жакета оседал в угли. Ан-

на перестала вырываться и посмотрела на его руку. — Твое нищенское прошлое сторело, Анна. Вместе с твоей съемной квартирой на Дубровке и твоими иллюзиями о независимости. Женщина, которая делит со мной дом и сидит за моим столом, не будет ходить в синтетическом тряпье с китайских распродаж.

— Я не ваша женщина! — выкрикнула она ему в лицо.

Смолин не ответил. Он молча повернулся к рейлу, скользнул взглядом по ряду чехлов, расстегнул одну из молний и резким движением сорвал с плечиков платье.

Тяжелый, струящийся шелк цвета темного дымчатого изумруда водопадом стек по его пальцам. Неглубокий округлый вырез, длинные узкие рукава и мягкие косые драпировки, рассчитанные на то, чтобы безупречно обрисовать фигуру.

Смолин схватил Анну за запястье. Его пальцы сомкнулись вокруг ее тонкой кости подобно стальному кандалу.

— Пустите! — дернулась она, но он даже не напрягся.

Одним слитным движением он увлек ее через холл к зеркальной гардеробной комнате, толкнул дверь и буквально втолкнул Анну внутрь.

Помещение было со всех четырех сторон зашито ростовыми зеркалами с мягкой теплой подсветкой по периметру. В центре стоял широкий кожаный пуф цвета графита.

Смолин бросил изумрудное платье на пуф и шагнул к выходу, положив ладонь на дверную ручку.

— У тебя ровно пять минут, Левина, — его голос пони-

зился до глухого, вибрирующего рыка. — Либо ты снимаешь свою вчерашнюю мятую юбку и надеваешь этот шелк сама. Либо я беру охотничий нож, разрезаю твою одежду на лоскуты и натягиваю это платье на тебя собственными руками. И уверяю тебя, Анна, второй сценарий доставит мне неизмеримо большее удовольствие.

— Вы зверь... — прошептала она, прижимая кулаки к пылающей груди.

— Я хозяин в этом доме, — отрезал он. — Время пошло. Дверь захлопнулась с тяжелым глухим щелчком магнитного замка.

Анна осталась одна посреди бесконечной анфилады собственных испуганных отражений. Ее была крупная, непрекращающаяся дрожь. Она посмотрела на свои руки: пальцы тряслись так, что расстегнуть верхнюю перламутровую пуговицу помятой белой блузки удалось лишь с третьей попытки.

Она знала: он не блефует. Смолин сделает ровно то, чем угрожал. Он войдет сюда и сорвет с нее одежду, не моргнув глазом.

Давясь слезами бессильного стыда, Анна сбросила блузку на пол. Расстегнула молнию на юбке-карандаше, позволив плотной ткани соскользнуть к щиколоткам. Оставшись в одном простом белье и чулках, она на миг закрыла глаза, глубоко вдыхая прохладный воздух гардеробной.

Затем протянула руку к пуфу и взяла изумрудное платье. Шелк оказался невероятно тяжелым, прохладным и лас-

ковым. Он скользнул по ее плечам, струясь вниз, словно чистая родниковая вода. Ткань мгновенно приняла форму ее тела: обняла узкую талию, плавно очертила округлые бедра и мягко подчеркнула высокую девичью грудь, оставив открытой ложбинку между ключицами.

Платье село так, будто его шили лучшие портные Парижа по индивидуальному слепку ее фигуры.

Щелкнул замок. Дверь распахнулась без предупреждения.

На пороге возник Смолин.

Анна инстинктивно скрестила руки на груди, но тут же заставила себя опустить их по швам и вскинуть подбородок.

Богдан замер на пороге.

В воздухе гардеробной воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Слышно было лишь, как за вентиляционной решеткой мерно шелестит воздух.

Штормовые серые глаза мужчины потемнели, зрачки расширились почти на всю радужку, затапливая взгляд тяжелой, голодной тьмой. Его дыхание стало глубже и медленнее. Он не просто смотрел — он раздевал ее этим взглядом, ошупывая каждую линию: контраст холодного изумрудного шелка с ее алебастровой кожей, водопад пепельно-русых локонов, рассыпавшихся по плечам, тонкие щиколотки и горящие диким огнем синие глаза.

— Черт бы тебя побрал, Левина, — хрипло выдохнул он сквозь зубы.

Смолин переступил порог и прикрыл за собой дверь.

Его шаги были неторопливыми, но в каждом движении сквозила подавляющая, собственническая уверенность. Он подошел к ней со спины, остановившись так близко, что Анна почувствовала кожей исходящий от его тела сухой жар. В зеркале напротив отразилась их пара: хрупкая, замершая в шелке девушка и нависающий над ней темный монолит широкоплечего мужчины.

Из правого кармана сорочки Смолин достал плоский прямоугольный футляр, обтянутый черным королевским бархатом.

Металлический щелчок пружины — крышка откинулась назад.

На белоснежном атласном ложе покоилось ювелирное чудо. Крупная, идеальной огранки капля темно-синего бирманского сапфира чистейшей воды, оправленная в ледяное белое золото и усыпанная по контуру микроскопическими бриллиантами. Камень висел на тончайшей платиновой цепочке якорного плетения. Он был полон внутреннего холодного огня, глубинного и бездонного, словно океанская впадина.

— Смотри в зеркало, — глухо скомандовал Смолин.

— Богдан Сергеевич, я не приму таких драгоценностей...

— Замолчи, Анна.

Его огромные, горячие ладони легли ей на плечи. Кожа под шелком вспыхнула от этого простого прикосновения. Смолин медленно провел пальцами вверх, забирая копну ее

пепельных волос, и осторожно перебросил их через ее правое плечо, полностью обнажая тонкую шею и трогательную ямочку у основания черепа.

Его пальцы случайно скользнули по чувствительной коже ее затылка.

Анну прошило такой острой, сокрушительной электрической судорогой, что она судорожно втянула воздух сквозь сжатые зубы. Колени предательски дрогнули. Тело, вопреки ее воле и рассудку, предательски отозвалось на это интимное касание: по позвоночнику пробежала волна мурашек, а соски под тонким шелком натянулись до боли.

Смолин заметил эту реакцию в зеркале. Его губы дрогнули в темной, торжествующей полуулыбке.

Он развернул платиновую цепочку, поднес ее к ее шее. Тонкие металлические звенья легли на кожу ледяной нитью. Раздался тихий щелчок скрытого замка-карабина.

Тяжелая капля сапфира соскользнула вниз по шее и легла точно в ложбинку между ключицами, прижавшись к обнаженной полоске кожи над вырезом платья.

Холодный камень мгновенно начал напитываться жаром ее тела. Синий кристалл полыхнул сапфировыми искрами в свете ламп.

Смолин не убрал рук. Он положил тяжелые ладони на ее плечи, сжимая их с властной, неодолимой силой, и медленно наклонился вперед.

Его лицо оказалось возле самого ее уха. Анна почувство-

вала на своей щеке обжигающее дыхание, пропитанное табаком, мятой и звериной уверенностью. Его губы почти коснулись нежной кожи мочки:

— Цвет твоих глаз, Аня, — его шепот вибрировал в ее черепе, заставляя кровь пульсировать в венах с удвоенной силой. — Твой персональный знак. Мой знак на твоем теле. Чтобы в этом городе каждый последний ублюдок знал, кому ты принадлежишь, еще до того, как откроет пасть.

Глава 7

Анна замерла, глядя в зеркало.

Она видела роскошную, ослепительную женщину в изумрудном шелке с королевским сапфиром на груди. Но для нее этот камень был не украшением.

Это был ошейник. Драгоценный, платиновый ошейник послушания, замкнутый на ее шее рукой безжалостного хозяина.

К половине третьего дня осенний дождь за панорамным фасадом особняка превратился в глухую водяную завесу. Вековые сосны качались под порывами ветра, с глухим стуком ударяя тяжелыми ветвями по козырькам террасы.

Анна стояла в гостиной у панорамного стекла. Изумрудный шелк платья мягко облегал ее тело, а тяжелый сапфир на груди жег кожу напоминанием о том, кому теперь принадлежит каждая минута ее существования.

Внезапно на гранитном острове кухни ожил широкий экран защищенного планшета.

Раздался характерный мелодичный перелив спутникового соединения. На черном стекле дисплея замигал индикатор входящего видеовызова с гербом Швейцарии: «Цюрих. Кардиологический центр клиники Хирсланден».

Сердце Анны заколотилось в горле с бешеной частотой.

Она сорвалась с места и подбежала к острову. Дрожащим пальцем провела по клавише приема.

Экран развернулся во всю ширину.

Перед глазами Анны возникла залитая мягким солнцем палата. За окном виднелись лазурная гладь Цюрихского озера и заснеженные вершины Альп. А на функциональной медицинской кровати в центре комнаты сидела Полина.

У Анны перехватило дыхание, ладонь сама взлетела ко рту, сдерживая стон.

Исчезла страшная, пепельная синева под глазами сестры.

Больше не было маски аппарата искусственной вентиляции легких, не было свиста в бронхах. Тонкие волосы аккуратно заплетены в косы, бледные щеки тронул живой персиковый румянец, к запястью крепился лишь компактный датчик пульса.

Рядом стоял седовласый мужчина в безупречном белом халате — профессор Вайсберг, мировая легенда интервенционной кардиологии.

— Анечка! — раздался из динамиков звонкий голос Полины, от которого у Анны дрогнули колени. — Анечка, ты меня видишь?!

— Полинка... — выдохнула Анна, и по ее щекам мгновенно покатились горячие слезы облегчения. — Господи... родная моя...

— Аня, нас встретили прямо у трапа самолета! Там был настоящий летающий госпиталь, врачи все время держали меня за руку! А здесь как в сказке, из окна видно горы! Профессор Вайсберг сказал, что операция в четверг! Мне сделают микропрокол в бедре и поставят новейший клапан! Богдан Сергеевич прислал бригаду врачей, оплатил все на год вперед! Аня, он настоящий волшебник, передай ему спасибо!

Профессор Вайсберг мягко улыбнулся и наклонился к камере:

— Добрый день, мисс Левина. Ваша сестра перенесла перелет превосходно. Отек легких полностью купирован еще

на борту. Показатели стабильны, риска для жизни нет. В четверг выполним транскатетерную имплантацию. Все счета господина Смолина акцептованы банком в полном объеме, предоплата покрывает операцию и полугодовую реабилитацию. Вы можете быть абсолютно спокойны.

Анна судорожно кивала, размазывая слезы и натягивая на лицо улыбку:

— Спасибо вам, профессор... огромное спасибо. Полинка, слушайся докторов, пожалуйста. Я прилечу сразу, как только сдам ключевой отчет по проекту. Люблю тебя больше жизни.

— И я тебя люблю, Анечка!

Экран мягко погас. Связь отключилась.

Анна отошла от острова к дивану и медленно сползла на полированный мрамор, закрыла лицо обеими ладонями и зашлась в беззвучных рыданиях.

Это была разрывающая душу смесь чувств: дикое счастье от того, что сестра спасена, и леденящее осознание цены. Ее свобода, гордость, тело и душа теперь заложены человеку, который мог одним словом даровать жизнь или отнять ее.

В трех шагах у окна стоял Смолин. Он слышал каждое слово, видел сияющие глаза девочки и теперь молча смотрел сверху вниз на содрогающуюся от слез Анну. В глубине серых глаз на мгновение мелькнуло что-то тяжелое, бережное, но тут же скрылось за привычной броней ледяного превосходства.

Тишину разорвали чеканные шаги армейских ботинок.

В холл вошел начальник службы безопасности Тарасов. Он поставил перед собой исполинскую плетеную корзину, в которой полыхала гигантская охапка из ста темно-алых роз редкого сорта «Ред Наоми». Терпкий сладковатый аромат заполнил комнату. Поверх цветов лежал кремовый конверт с золотым вензелем.

Смолин медленно повернулся к нему. Взгляд мгновенно стал колючим:

— Что это, Тарасов?

— Доставка на внешний КПП, Богдан Сергеевич. Отправление строго на имя Левиной Анны Дмитриевны лично в руки. Курьера задержали и допросили: наемный посыльный из приложения. Но на конверте личный вензель.

Лицо Смолина превратилось в каменную маску хищника, почуявшего чужака. Желваки на скулах заходили с глухим скрежетом. Он шагнул вперед и вырвал конверт.

Анна замерла на полу. Она узнала переплетенные золотые буквы «В» и «К». Вадим Коршунов.

Смолин вскрыл конверт, извлекая карточку. Взгляд скользнул по строкам, написанным размашистым почерком:

«Анечка, я знаю, что этот психопат держит тебя силой в своем особняке. Не бойся его звериных замашек. Скажи только одно слово — и мои люди заберут тебя из его берлоги, а Смолин отправится под следствие за похищение и вымогательство. Твой Вадим».

Тишина стала абсолютной, звенящей.

Костяшки пальцев Смолина побелели, сминая карточку в комок. В его глазах вспыхнуло такое первобытное, кровавое бешенство, что у Анны волосы на затылке встали дыбом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.